

Наталья Мар

Либеллофобия

ЛитРес: Самиздат
Москва

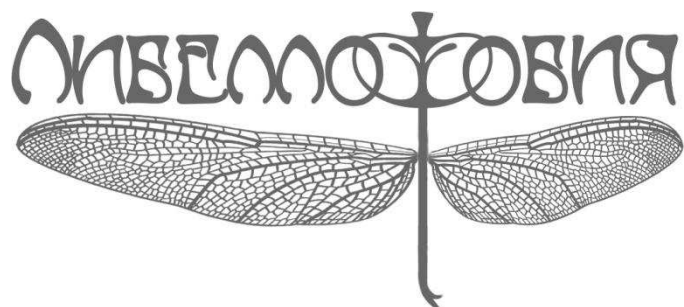
УДК 82-312.9
ББК 84(2)6
М25

Мар Н.

Либеллофобия / Н. Мар — Москва: ЛитРес: Самиздат,
2020. — 391 с.

ISBN 978-5-532-04835-5

Первая книга дилогии. Люди, способные превращаться в пауков, прячут артефакт, дающий власть над их миром. Насекомые, способные превращаться в людей, его ищут. И мирная планета с радужными озёрами становится участником страшного противостояния. Эмбер из расы пауков — послушная девочка и хочет стать мехатроником. Кайнорт из расы насекомых — неуправляемый злодей и хочет крови, рабов и чашечку ботулатте. Теперь там, где он ступает, дождь идёт вверх. Там моются песком, а за водой карабкаются на небо. Злодей отнимет у Эмбер всё: дом, семью, внешность и даже имя. Девочке придётся стать сильнее, чтобы отомстить. Сначала далеко бежать. Потом долго прятаться. И наконец — храбро сражаться.

Пролог. Злодей, землярка и Чпух

– Кровь смывают холодной водой.

Так бормочет старуха и вытряхивает в таз глыбы льда. В жаркой, как печь, кабине трейлера с неровных кубиков сочится вода. Эти капли!.. Их хочется собирать языком и пить, пить.

– Не вздумай эту пить, – следя за моим взглядом, грозит карминка, но размягчает морщинку на лбу. – Чистую дам посла. В землярке.

«Землярка»... это что? Это где? Я скребу заскорузлые шёлк и кружево куском льда. Да: от горячей воды кровь свернётся и оставит ржавые пятна. Смешная проблема теперь. Из другого мира, в котором остались чистые манжеты и белые воротнички. Этого мира больше нет, а в новом нет горячей воды. На лбу испарина, а пальцы щиплет от холода, и я стараюсь сосредоточиться на ощущениях, потому что обмороженные руки – самое безобидное, что мучает сейчас. Цепляюсь за боль и жжение, как марионетка за последнюю ниточку. Оборвется – и упаду. Так что пусть болит.

В кабине еле-еле мерцает свет, но даже в нём видно, что кровь оттирается плохо. Алый лёд качается в розовой воде, а я всё ещё выгляжу так, будто восстала из могилы.

– Брось тогда, – цедит старуха. – Сжечь надо, а то выследят по запаху.

– А как же... Замёрзну ведь.

– До землярки недалеко, утром дам одёжу. Умойся да пошли скорей. А то блесклявка потухнет.

Подгоняя нас, липкий ночник шевелится и моргает. Вот-вот отвалится и шлёпнется за шиворот. Зеркала в трейлере нет, но чувствую, что голова и шея у меня в крови. За почти четыре дня она высохла и стянула виски чёрной коркой. Глядя в таз, где пенится бурая жижа, понимаю, что умываются здесь прежде, чем стирают. Новой воды теперь, конечно, не дадут. Впервые в жизни это безразлично до такой степени, что я зачёрпываю жижу и, свесив патлы над тазом, умываюсь пенистой кровью. Обмываю шрамы, такие глубокие, что

кажется, от лица совсем ничего не осталось, и думаю, что старухины слова неточные.

Надо бы так:

"Кровь смывают холодной кровью".

Свет даёт блесклявка: люминесцентная медуза. Карминцы носят их с собой и лепят к стене где-нибудь в углу. Блесклявка, если в настроении, пускает щупальца вдоль потолка и неровно светит. Ступив на порог, старуха подцепляет медузу ногтями, отрывает от стены и прячет в платок, а платок затыкает за широкий браслет. Каморка погружается во мрак. Снаружи, за двойной дверью трейлера, холодно. За дни погони я привыкла к непогоде, но в одной шёлковой сорочке меня трясет. Мы скачем по кочкам и балансируем на скользких зыбунах, застилающих болото. Сколько это – «недалеко до землярки»? Из-за копчёного воздуха не видно ни зги. Старуха сбивает у меня с лица респиратор:

– Ведь мигает же, что фильтры забились! – ругается она. – Почистишь, вот тогда можно. А теперь только добавляет яда. Терпи. Задержи дыхание-то, осталось чуть.

Вместо ответа я киваю и кашляю. Мигать фильтр начал к вечеру первого дня скитаний, но я боюсь признаться. Хотя теперь за меня некому переживать, и старуху вряд ли заботят мои лёгкие, скорей уж глубина могилы, которую придётся копать. Пробую задержать дыхание и не могу. Для этого надо как следует набрать воздуха, а его нет – один дым и смрад. Мы всё идем, и я думаю, что значит чистить фильтры. Как? Чем? Я ещё не привыкла к новому суррогату жизни: от утра до утра. С горизонтом планирования в полдня максимум. От мысли, что завтра попросту нечем будет дышать, накатывает паника. Я забываю, что замёрзла, что голодна. Последние четыре дня одна беда исчезает не потому, что проблема решается, а потому лишь, что появляется другая. А ту вымещает третья. Четвёртая заглушает пятую... Так и живу.

Где-то совсем близко надламывается дощатый настил. Под хриплую брань из сумрака нам наперерез валится... кто-то. Ног не счесть! Красные патлы из кручёных шнурков. Карминец. Подросток. Под мышкой у него бидоны из руженита. У одного от удара съезжает

крышка, и вода со страшной силой выстреливает из бидона вверх. Старуха забывает обо мне и ругается:

– Закрывай! Закрывай, олух!

Паренёк бросает целый бидон и возится с побитым, но делает только хуже: под напором утекающей воды крышку срывает целиком, и содержимое взмывает в небо. Старуха отвешивает ему затрепину. А я провожаю взглядом их потерю. Вода сверкает в туче саж и несётся, несётся вверх. В небе, всего в трёх километрах над планетой вертится ледяная сфера. Орудие пыток. Почти вся вода, что была на планете, теперь там. И эта, из бидона, сбегает, чтобы тоже примёрзнуть к куполу. Мы живём здесь, как внутри ёлочной игрушки.

– Да партизаны весь вечер до тудова карабкались, чтоб наковырять льда, дармоглот! – Не унимается старуха. – Бери шнур, щипцы и чтоб к утру наполнил бидон!

Паренёк спешит убраться восвояси, по пути толкая меня в плечо.

– Из-за вас это всё, – плюет он мне на подол. И расходится уже с безопасного расстояния. – Слышь, Баушка Мац? Ведь из-за пауков же насекомые к нам прилетели, так? Из-за пауков теперь воды нет, еды нет, даже воздуха нет! Не прятали бы тут свои финтифлюхи, отдали бы по-хорошему! Но не-ет: сами сдохнут и нас прихватят. Вот я разве виноват, что вода улетела? Я?

Я не отвечаю. Баушка Мац тоже молчит и тянет меня своим путём.

– Жду не дождусь, когда насекомые и на вашей планете попляшут! – догоняют нас проклятия. – Дрянь восьмилая!

Ещё десяток кочек – и мы ныряем в землистый рот какой-то пещеры. Затхло, душно. Жарко. Старуха шлёпает на стену блестявку: поменьше и пожиже той, первой. Но в её скудном свете видно, как стены ходуном ходят. Так вот какая она: землярка. Живая! Дышит! Рёбра, будто рыбы кости, тянутся вдоль каморки внутри брюха. В моих руках появляется ружениновый термос, и я опустошаю его тёплые запасы влаги до того, как карминка заканчивает фразу:

– Ты какого имаго?

– Вдова.

– Линька?

– Первая.

– Тогда хорошо, что не превратилась там, – хвалит старуха. – Силы беречь надо. А Чпух дурак.

– Он прав. Насекомым нужны шчеры, а мы прячемся. Всё из-за нас, бабушка...

– И ты дура.

На этом старуха суёт мне шерстяную накидку и уходит. Пройдет ещё много дней, прежде чем я пойму: в зверствах виноваты только звери. А кто думает иначе, и впрямь дурак.

Навьючиваю драные одеяла и сижу так, словно в коконе. Землярка просторная, но кроме меня здесь храпит ещё кто-то. Партизан. Настоящий карминский партизан. Отчего-то страшно. Четыре дня была одна.

Я закрываю красные от горя глаза и вижу только одно: рваные горла и кривой обоюдоострый нож в руке насекомого. Чтобы заснуть, надо сосредоточиться на чём-то другом. На чём? Тихонько, чтобы не разбудить соседей, наклоняюсь и подбираю уголёк. Нахожу на светлой стене местечко без партизанских скабрез. И рисую.

Плохо представляю, что должно выйти, но рисую на белом холсте чёрные штрихи: брови, ресницы и кант вокруг радужки. Лицо абсолютного зла. Так, говорят, оно и выглядит на самом деле, без скафандра.

Пока я знаю только имя. Кайнорт Бритц.

Молюсь за тебя перед сном – чтоб ты сдох, тварь.

Часть 1. Эмбер

Глава 1. Дождь идёт вверх

Я пришла в восторг от переезда. Перелёта! Новым назначением папы стал Кармин: он работал в посольстве, и мама сокрушалась, отчего после стольких лет безупречной службы его закинули в «эту дыру» на всё лето. Мы с братом долго не могли отыскать Кармин на карте звёздного неба: оказалось, там была воткнута булавка, при помощи которой уголок карты крепился к стене. Это не слишком воодушевляло. Тех, у кого на Урююи оставались друзья, приятели и проверенные годами доставщики кузнечиковых ляжек во фритюре.

Мне же терять было нечего: из-за папиного высокого положения, из-за модных шмоток, из-за того, что у нас с Чиджи было всё, о чем только приходилось мечтать шчерам девяти и девятнадцати лет, друзей у нас почти не водилось. Ну, ещё из-за неуверенности и робости. Но я предпочитала думать, что нам только завидовали. Это не решало проблему, но, по мнению маминого парикмахера, а у парикмахеров, как известно, дарования цирюльника и психолога идут рука об руку, было куда полезнее для самооценки.

Незадолго до переезда лучшая подруга с добрым именем Злайя вышла замуж и улетела на другой континент. А у меня от расстройств случилась первая линька. В девятнадцать тяжело терять друга. Дети через пять минут находят нового, взрослым наплевать, а в девятнадцать тебя это раздирает. После линьки выяснилось, что моё имаго – чёрная вдова. Семья, доценты, балетмейстер – все взрослые гордились так, будто я этого добилась сама, хотя шчеры ведь не выбирают, кем стать. Это всё калейдоскоп генов. Спустя неделю староста факультета призналась, что студенты хотели устроить мне тёмную, если ко всему прочему я окажусь активным диастимагом. Тем, кто живёт по особым законам природы. Но мне «повезло». Всякие сроки давно вышли, а диастимагия не проснулась. Вот тебе и гены. Хоть бы зеркальная, как у папы, и я осталась бы вечно моло-

дой. Ну, нет, так и нет. В девятнадцать жизнь и без всякого волшебства видится бесконечной.

Солнечный, пёстрый Кармин показался лучшим местом для каникул. Когда мы добрались и расставили по полкам разные мелочи, папа приколот к стене местную карту неба. На ней Кармин занял самую середину, а Урюи вовсе не была отмечена. Даже под булавками. Так я впервые поняла на деле, каково это – посмотреть на мир с другой стороны.

– Здорово же, что вот так можно взять – и улететь в другой мир, – повторял Чиджи. – Да, Эмбер? Глянь, какая бриветка попалась уса-
тая! Эмбер!

Был ослепительный карминский полдень, беззаботное лето, и мы выбрались за территорию усадьбы, где запрещалось нарушать идиллию свежестриженных кустов, чтобы посидеть на диком берегу. Озеро состояло из множества крупных неровных резервуаров вроде корыт. Целиком из мрамора, гранита и других самоцветов. Края выступали над поверхностью. Сверху озеро напоминало палитру акварельных красок: в резервуарах, где мрамор выступал высоко и не давал водам смешиваться, были даже свой оттенок воды, свои флора и фауна. Широкое корыто из ларимара, где Чиджи ловил бриветок, усыпала разноцветная галька, и по ней бродили рачки-хамелеоны. Хотелось их сцапать, но мне уже давно было не девять. Сидя на краю, я будто случайно трогала их пальцами ног, подталкивая ближе к брату. У меня на коленях лежали белые каллы.

– А почему ты выкинула розы? – спросил Чиджи.

– Не выкинула, отложила. Эти цветы нельзя в один букет, розы всё испортят.

– Почему? Они такие красивые.

– Красивые... Но каллы будут стоять целую вечность, а розы послезавтра завянут.

– Тогда зачем ты их срезала?

Это был хороший вопрос.

– Больше не грустишь по Злаيه? – девятилетка Чиджи быстро переключался.